

Во-вторых, старая госпожа Хэ годами усердно изучала буддизм и давным-давно не вмешивалась в дела молодого поколения, предпочитая лишний раз не создавать себе проблем.

Услышав по телефону голос старухи, мать Хэ на мгновение замерла от испуга, а её сердце пропустило удар.

Как трубку могла взять она?! Она же велела малому Лю забрать мальчика, и куда в итоге тот его отвёз?!

Как бы старая госпожа ни отстранялась от дел, она оставалась старшей в семье, её слово обладало огромным весом. Какую же глупость она только что сболтнула?

Не успела она придумать, как ответить на этот вопрос, как последовал второй:

— Это новые часы Хэ Шу сломал его сводный младший брат?

Мать Хэ с силой вжала изящные ногти в чехол телефона, застыла на месте и небрежно бросила:

— Да просто недоразумение, с чего тут раздувать такую трагедию.

Настроение у неё менялось быстрее, чем страницы в книге, и старая госпожа едва не рассмеялась от злости:

— Недоразумение, из-за которого для Хэ Шу едва ли найдется место в доме?

На том конце провода мать Хэ сделала несколько глубоких вдохов, чтобы унять подступающие эмоции, и тронула губы подобием улыбки:

— Я звонила Хэ Шу столько раз, а он всё не отвечал, вот я и сорвалась, брякнула не подумав. Мама, неужели у вас нет своего мерил для меня, неужели вы не знаете, как я отношусь к Хэ Шу?

— Я уже стара, глаза не видят, уши не слышат, старая я развалина, — холодно произнесла старая госпожа. — Приезжай-ка сама и расскажи мне про это своё мерило лично.

Это ставило крест на любых оправданиях. Мать Хэ прожила в семье Хэ больше двадцати лет — когда ей доводилось слышать такой тон? Она поняла, что старуха на этот раз разгневалась не на шутку, и соваться на рожон сейчас не смела.

— Я и так собиралась на днях заглянуть к вам в гости, да всё некодо. Кстати, вы уже допили те

горные снежные игла, что я привозила в прошлый раз? Я завтра захчу ещё немного, — мать Хэ постаралась придать голосу как можно более беззаботный оттенок. Она прикусила губу и осторожно зондировала почву: — Время уже позднее, Хэ Шу, пожалуй, только стесняет вас и мешает отдыхать. Пусть малый Лю вернет его домой?

Разве старая госпожа не видела насквозь все её манёвры? Те фокусы, что разыгрывала мать Хэ, сама старуха забросила и забыла ещё несколько десятков лет назад.

Она лишь легко усмехнулась:

— Хэ Шу умен и послушен, я по нему соскучилась, так что пусть погостит у меня пару дней. Захочет вернуться — вернётся сам.

С самого начала оказавшись в проигрышной позиции, мать Хэ теперь могла лишь отступать по всем фронтам, не зная, как сгладить углы. Она торопливо со всем согласилась, а когда повесила трубку, телефон едва не выскользнул из вспотевших ладоней.

Сияющая хрустальная люстра заливала комнату тяжёлыми, причудливыми тенями, создавая иллюзию роскоши. В широкой вазе пышно цвели розы, и даже в воздухе витал их едва уловимый аромат.

Шелковый халат волочился по полу. Мать Хэ стояла у окна, скрестив руки на груди. Немного постояв, она почувствовала, как мысли путаются ещё сильнее, развернулась и налила себе стакан воды.

Сделав несколько глотков, она поднялась на второй этаж, прошла по изогнутому коридору и постучала в дверь комнаты Хэ Юя.

Изнутри донеслись тихие, сдавленные всхлипывания — так плалёт одинокий, отчаявшийся зверёк, отчего у матери Хэ сжалось сердце.

Дверь приоткрылась, и заплаканный юноша с красными глазами, похожий на испуганного кроенка, виновато посмотрел на неё:

— Мама.

Этот вид заставил мать Хэ на миг погрузиться в оцепенение. Когда-то давно точно так же выглядел и Хэ Шу — совсем кроха, который после слёз всегда прибегал к ней за объятиями.

Но с каких пор Хэ Шу перестал так делать и начал отдаляться от неё?

Осознав, что мысли унеслись куда-то не туда, мать Хэ взяла себя в руки:

— Я зашла проверить, спишь ли ты.

Хэ Юй бросил быстрый взгляд у неё за спиной и тут же опустил глаза, покачав головой:

— Брат Хэ Шу ещё не вернулся, я так и не извинился перед ним лично, уснуть не могу.

Он теребил край одежды, тревожно бормоча: — Я отправил ему столько сообщений, а он ни на одно не ответил. Наверное, он никогда меня не простит? Во всём виноват я, я не такой рассудительный, как старший брат, и далеко не так умён, как брат Хэ Шу. Я такой глупый, ни с чем не могу справиться...

— Всё, перестань об этом думать, — прервала его мать Хэ. Она положила руку ему на плечо и мягко подтолкнула обратно в комнату: — Ложись спать, а обо всём остальном поговорим завтра.

У изголовья кровати стоял аккуратно застёгнутый чемодан. Наружу выбивался край какой-то одежды, обнажая щель.

Мать Хэ невольно бросила туда взгляд. Она смутно помнила, что ещё пару дней назад этого чемодана там не было, и на секунду замерла:

— Это что?

Проследив за её взглядом, Хэ Юй опустил голову, его ресницы намокли от слёз:

— Я... я совершил такую ошибку, мне так тревожно и страшно. Если братец Шу не простит меня, это вполне справедливо, я в любой момент могу...

Он не договорил, лишь поспешно вытер слёзы.

Какая мать сможет спокойно смотреть на своего ребёнка в таком состоянии? Мать Хэ тяжело вздохнула и прижала Хэ Юя к груди.

— Ты часть семьи Хэ, и чтобы я больше не слышала подобных слов.

Где-то в глубине души она приняла окончательное решение.

Она уже потеряла Хэ Шу, а Хэ Юй — её младший, совсем новый ребёнок. Она обязана беречь его и лелеять, не позволяя никому причинить ему хоть малейшую боль.

А со старой госпожой... Каким бы ни было давление, она выстоит, потому что она мать.

Мать Хэ Юя.

Шэнь Синлань выпался так сладко и легко, что, проснувшись, даже не сразу сообразил, в каком мире находится, и пару секунд растерянно моргал.

Сразу после этого его оглушил голос 96, звучавший словно из мегафона:

— Вчерашние рейтинги твоего канала взлетели до небес!

Это было просто невероятно, беспрецедентно. В этот момент 96 чувствовал себя классным руководителем вечно отстающего класса, к которому вдруг перевели гениального ученика.

Шэнь Синлань, которому было абсолютно всё равно на подобные вещи, свесил ноги с кровати, обулся, обошёл резную ширму и направился в ванную. В зеркале отразился бледнолицый юноша с широким лбом и глубоким взглядом; от него веяло отчуждённой, ледяной холодностью, но из-за совершенно иной души внутри сквозило удивительное спокойствие и непринуждённость.

Он зачерпнул ладонями воду, плеснул на лицо и равнодушно бросил:

— М-м.

96 продолжало щебетать:

— Нанесённый по сюжету удар достиг пяти процентов!

Что значит побеждать без единой капли крови? Что значит идти по пути зелёного чая, лишая зелёный чай всякой возможности на спасение? Прошлой ночью оно буквально прозрело, став свидетелем хрестоматийного мастер-класса.

И всё это при том, что Шэнь Синлань даже не пересекался с Хэ Юем лицом к лицу! Просто высший пилотаж.

Посчитав болтовню слишком шумной, Шэнь Синлань пот подушечками пальцев щёку, слегка задев мочку уха, вытер лицо полотенцем и, подняв взгляд на зеркало, на мгновение задержался на татуировке у ключицы, после чего принялся чистить зубы.

<http://bllate.org/book/26521/3174727>